

Глава 11

— Бабушка, мяса хочу! Мяса! — донёлся из-за двери пронзительный детский плач.

Чэнь Си, помрачнев, метнул яростный взгляд на старшего сына и велел тому немедленно утихомирить сорванца.

Чэнь Дашунь поспешно вскочил и выбежал во двор. Спустя мгновение послышались глухие хлопки ладонью и отчаянный, надрывный рёв ребёнка.

Ван Ин, нахмурившись, отложил палочки и строго прикрикнул:

— Да не бейте вы его! Он же мал ещё, что с него взять? Нам с Цинъюнь столько курицы ни за что не съесть, положите детям несколько кусков.

Мужчина замер на месте, не зная, как поступить. Староста, хоть и сердился, тоже в глубине души жалел внучат. Махнув рукой, он проворчал:

— Ладно уж... Пусть жена твоя возьмёт миску да положит им мяса. Пускай в комнате едят, нечего тут перед гостями позориться.

— Понял! — невестка старосты, услышав дозволение, радостно бросилась за посудой.

Глядя на гору мяса в миске, она едва не лишилась дара речи. Опасаясь сурового свёкра, женщина не решилась выбирать лучшие части и положила детям голову, лапки и костлявую шею.

Хоть семья Чэнь и считалась зажиточной по деревенским меркам, мясо на их столе появлялось лишь по большим праздникам. И взрослые, и дети постоянно тосковали по жирной пище.

— И ножки тоже положите, — добавил Ван Ин. — Пусть ребята порадуются.

— Спасибо, хозяин! Спасибо вам огромное! — молодая женщина, просияв, подцепила палочками куриные окорочка и, прижимая миску к груди, торопливо выбежала прочь.

Чэнь Си покраснел до корней волос от смущения.

— Простите великодушно, молодой господин... Позорище одно. Детишки неразумные, почуяли запах мяса, вот и потеряли голову от жадности.

— И что тут такого? — мягко возразил Ван Ин. — Даже взрослые, когда долго не видят

скромного, начинают о нём мечтать. Глупо за это винить.

Староста не ожидал, что новый молодой хозяин окажется столь понимающим. Его уважение к юноше выросло ещё больше.

После обеда Чэнь Си с нескрываемым воодушевлением предложил прогуляться к полям. Это было как раз то, ради чего Ван Ин затеял поездку: ему не терпится лично оценить состояние посевов.

Чэнь Цинъюнь, не привыкшая к палящему зною, предпочла остаться в доме вместе с матушкой Тянь. Юноша же в сопровождении старосты и троих его сыновей отправился осматривать угодья.

Дом Чэнь Си стоял в самом центре поселения, а земли располагались за околицей. По пути им то и дело встречались крестьяне; едва завидев процессию, пахари спешили поклониться и поприветствовать гостей. Узнав, что перед ними — супруг старшего молодого господина и их новый хозяин, многие от волнения теряли дар речи.

Староста, опасаясь, что простолюдины могут ненароком докучать благородному гостю, то и дело прикрикивал на них, веля держаться поодаль.

— Вот эти участки мы сами обрабатываем, ростки уже крепко стоят, — Чэнь Си указал на ровные ряды зелени.

Семья старосты, как и прочие, трудилась на земле от зари до зари. Единственное отличие заключалось в том, что им не приходилось отдавать львиную долю урожая за аренду, отчего и жили они справнее прочих.

Ван Ин, ловко лавируя между рядами, спустился на пашню. Он присел и аккуратно вытянул один из ростков проса, внимательно изучая корень и стебель.

— Слишком густо посажено, — заметил он, не поднимая головы. — Такая плотность мешает им наливаться силой. Ростки должны дышать, лучше оставлять между ними хотя бы полчи свободного места. И посмотрите на этот белёсый налёт — похоже, посевы поразила мучнистая роса. Если вовремя не проредить их и не обработать, колос выйдет пустым.

Мучнистая роса была частым гостем на полях, особенно когда летняя влажная жара сочеталась с плохой вентиляцией из-за слишком тесной посадки.

— Возьмите два ляна серы на пятьдесят цзиней воды, хорошенько размешайте и опрыскайте листья. Это должно помочь.

Староста замер в изумлении.

— Молодой... молодой господин, неужто вы и в земледелии толк знаете?

— Приходилось сталкиваться, — уклончиво ответил Ван Ин.

Чэнь Си лишь недоверчиво кивнул. Он сорок лет гнул спину на этих полях, но о подобных хитростях слухом не слыхивал. В глубине души он отнёсся к словам юноши со скепсисом.

Ван Ин не стал настаивать. Он понимал, что сейчас любые его советы звучат для этих людей как пустая болтовня. Чтобы завоевать их доверие, нужно показать результат на деле.

Они двинулись дальше и вскоре вышли к берегу чистой, неглубокой речушки. Вода едва доходила до колен, и в заводях копошились босоногие мальчишки, вылавливая рыбу и мелких креветок.

Место здесь было чудесное — горы, вода, тишина. Ван Ину вдруг подумалось, что когда Чэнь Цинъянь поправится, было бы неплохо перебраться сюда насовсем. В этой близости к природе сквозило некое благородное уединение.

— Когда уберёте этот урожай проса, оставьте мне небольшой участок, — распорядился Ван Ин.

— Му три-пять будет достаточно. Я приеду и засею его сам.

— Слушаюсь, молодой господин, непременно оставлю.

Для Чэнь Си это не было большой потерей. Хоть он и не понимал, какие причуды в голове у этого гэ'эра, но собеседник казался ему человеком добрым, а значит, и ладить с ним будет несложно.

Тем временем в доме старосты внуки Чэнь Си принесли Чэнь Цинъюнь охапку каких-то мелких плодов.

— Сестрица, попробуй скорее! Они такие сладкие!

Госпожа Ян, услышав это, всполошилась и бросилась прочь из кухни, чтобы прогнать сорванцов.

— А ну брысь на улицу! Барышня, вы уж простите их, неразумных...

— Всё в порядке, — улыбнулась Цинъюнь. Она и сама была ещё в том возрасте, когда любопытство берет верх над приличиями. — А ну-ка, дайте и мне попробовать.

Маленькая девчушка, просияв, протянула ей полные горсти ярко-красных ягод. В деревне их называли «красными горными тернами». На самом деле это была разновидность дикой вишни. Не облагороженная человеком, она давала мелкие плоды, но вкус их был почти таким же, как у сортовой черешни — терпким и кисло-сладким.

Съев несколько ягод, Цинъюнь отложила остальные, решив угостить невестку.

Сидевшая рядом матушка Тянь, дождавшись, пока хозяйка дома выйдет, недовольно поджала губы и нарочито громко вздохнула:

— Ох, барышня Цинъюнь... Вот скажите мне, и что это нашему молодому господину на месте не сидится?

— О чём вы, матушка Тянь?

— Ну зачем было тащиться в такую даль, в эту глушь? Только ноги бить да пыль глотать.

Девушка, решив, что старуха просто утомилась с непривычки, мягко ответила:

— Когда папа был жив, он дважды в год навещался в поместье. Теперь невестка за главную в доме, так что в её желании всё осмотреть нет ничего странного.

Старая служанка презрительно фыркнула:

— Да вы и сами прекрасно со всем справлялись. И зачем только госпожа позволила чужаку заправлять делами? Кто знает, может, он потихоньку в свою деревню наше добро переправляет...

Цинъюнь нахмурилась.

— Он вышел за брата, теперь мы одна семья. О каком «чужаке» вы говорите? К тому же, матушка, вы и сами знаете, как нам сейчас непросто. Если бы не Ван Ин, который дважды не дал второму дяде разграбить дом, у нас бы и на еду денег не осталось.

— Барышня...

— Не смейте больше так говорить, — отрезала Цинъюнь. — Если невестка услышит, ему будет очень больно.

Старуха обиженно замолчала, но в душе её закипала злоба и на Ван Ина, и на сестру хозяина.

«Дрянная девчонка! Хвост заносит перед чужаком! Я десять лет в этом доме горб гну, а она меня ни во что не ставит из-за этого деревенщины, который и порога-то полмесяца назад не переступал»

Цинъюнь и не подозревала о буре, бушующей в голове служанки. Она полагала, что матушка Тянь просто свысока смотрит на скромное происхождение Ван Ина.

Признаться честно, поначалу и сама девушка считала, что её новая невестка — обычный сельский невежда. Но за это время она поняла: юноша не только грамотен, но и рассуждает так здраво, как ни один деревенский житель. А уж глядя на то, как старший брат под его опекой день ото дня крепнет, вся семья должна была только благодарить небеса.

Когда Ван Ин вернулся с полей, он обнаружил во дворе старосты целую толпу. Это были арендаторы; прознав о приезде хозяев, они поспешили засвидетельствовать своё почтение.

Кто-то принёс корзинку лесных грибов, кто-то — десяток яиц, кто-то — лесные ягоды или искусно сплетённые из лозы игрушки и корчаги. Дары были незатейливыми и дешевыми, но в них светилась искренняя благодарность.

Семья Чэнь была милостива: долгие годы они не повышали плату за землю, и жизнь в этом поместье была куда сытнее, чем у соседей. Ходили слухи, что в землях семьи Хуан люди голодают и вовсе продают детей, лишь бы выжить.

Ван Ин, понимая, что отказ обидит этих людей, принял подношения.

Солнце уже начало клониться к закату. Понимая, что пора в путь, юноша велел Люцзы запрягать мула.

На прощание Чэнь Си всё же всучил ему сушёных земляных червей.

— Не забудьте, молодой господин. Пусть старший господин пьёт этот настой.

— Спасибо за заботу, староста.

Уже в повозке Цинъюнь прильнула к оконцу. Жители поместья провожали их до самой окраины и долго ещё стояли на дороге, глядя вслед уходящему экипажу.

На душе у девушки стало странно и непривычно. Она вспомнила, как ещё недавно выбрасывала платья, которые ей разонравились, или велела выливать кушанья, если те казались недостаточно изысканными. Теперь же она понимала: то, от чего она воротила нос,

для этих людей было пределом мечтаний. Она дала себе молчаливое обещание никогда больше не потворствовать расточительности.

— Невестка, попробуй, — Цинъюнь достала из мешочка дикую вишню. — Кисловатая, но вкусная.

— О, вишня?

— Ты знаешь эти ягоды?

— Да. Её ещё называют «цзин-тао». Вкусная, но капризная ягода, её трудно вырастить. Лучше всего найти в горах крепкий кустик и пересадить. Если хочешь, в следующий раз выкопаем один и посадим у нас во дворе.

— Правда?!

— Конечно. Ты только скажи, чего ещё хочешь, я всё помогу посадить.

Ван Ин уже присмотрел место на заднем дворе, где он почти полностью расчистил старые клумбы. Кроме грядки с овощами, ему хотелось посадить несколько плодовых деревьев, но он никак не мог выбрать, каких именно.

— Хочу хурму! И осенние груши! И мандарины!

Ван Ин негромко рассмеялся.

— С мандаринами боюсь не выйдет. Говорят ведь: к югу от реки Хуайхэ — это мандарин, а к северу — лишь горький понцирус. Эти деревья любят тепло и влагу, а у нас здесь слишком сухо. Да и зимние морозы их просто погубят.

Он невольно задумался о будущем.

«Сможет ли моё экспериментальное поле справиться с этой задачей? — Ван Ин прищурился на солнце. — Если да, то со временем на нашем столе появятся и диковинные южные плоды»

— Ох... Ван Ин, ты столько всего знаешь!

Юноша с улыбкой взъерошил ей волосы. Девочка была очаровательна. Вообще, все трое детей в семье Чэнь были на редкость славными. Пусть госпожа Ли и не умела твердо вести дела, но воспитать детей достойными людьми ей определённо удалось.

На обратном пути Люцзы гнал мула быстрее, и они успели въехать в город до того, как на землю опустились сумерки. Ещё не доехав до ворот дома, они увидели в неверном свете фонарей госпожу Ли и старика-привратника — те с тревогой вглядывались в темноту улицы.

— Матушка! Ну зачем вы вышли? — Цинъюнь радостно замахала рукой из повозки.

— Да как же не выйти? Время позднее, а вас всё нет, я уж извелась вся. Всё ли гладко прошло? Никто не обидел?

Ван Ин, спрыгнув на землю, успокоюще произнёс:

— Всё в полном порядке. Дорога была пуста и спокойна.

— Вот и славно, вот и хорошо. Ступайте скорее в дом, умойтесь да за стол — ужин заждался.

Войдя в горницу, Ван Ин с удивлением обнаружил там Чэнь Цинъюня. Тот сидел в своём кресле-каталке; на лице его застыла смесь тревоги и нетерпения, которая мгновенно сменилась облегчением при виде вошедших.

— Ты почему не в постели?

Дядя Чэнь добродушно усмехнулся:

— Да всё за вас переживал, молодой господин. Потребовал, чтобы я его сюда выкатил...

Цинъюнь негромко кашлянул, прерывая старика, и сухо бросил:

— Дядя Чэнь, отвезите меня обратно.

— Слушаюсь.

Старик уже взялся за ручки кресла, но Ван Ин преградил ему путь.

— Раз уж вышел, побудь с нами подольше. Мы из поместья много чего привезли.

Цинъюню явно хотелось остаться, но гордость не позволяла так быстро сдаться. Он неловко повёл плечом:

— Не стоит...

Не слушая его возражений, Ван Ин сам взялся за кресло и покати́л его к накрытому столу.

<http://bllate.org/book/15812/1423494>